

Роковая “девятка”, или Проклятие Девятой симфонии

200 лет назад, в 1812 году, Людвиг ван Бетховен приступил к работе над своей знаменитой Девятой симфонией. С тех пор “Девятая” стала самостоятельным жанром и обросла легендами – в том числе и зловещими.

Последняя из завершенных симфоний великого мастера, Девятая Бетховена, “зрела” более двенадцати лет. В 1812 году, закончив работу над Восьмой симфонией, Бетховен сделал первые наброски вокального опуса, в который должна была войти и “Ода к радости” Шиллера. Позже композитора “отвлекли” другие события, проблемы и творческие задачи: разгром армий Наполеона, Венский конгресс, смерть брата, борьба за право опеки над племянником, наконец, прогрессирующая глухота. Непосредственная работа над более чем 200-страничным нотным манускриптом относится в 1817-1823 годам, а премьера Девятой, ставшей духовным и моральным завещанием Бетховена, состоялась 7 мая 1824 года. Композитор, дирижировавший своей последней симфонией, не слышал разразившихся в зале оваций. Одному из музыкантов оркестра пришлось взять его за плечи и развернуть к залу лицом.

Девятая, она же последняя

Впечатляющая мощь музыки Бетховена и ее почти неподъемный пафос с годами превратили Девятую в миф и даже самостоятельный жанр. Чуть ли не каждый композитор, подходивший к этому рубежу, испытывал священный ужас. Так, Антон Брукнер, родившийся в год премьеры Девятой Бетховена и видевший в ней “символ веры” всей европейской музыки, вообще-то написал свою девятую по счету симфонию еще в 1883 году. Но он “отрекся” от своих первых двух симфоний (по крайней мере, не дал им порядковые номера), и его девятая стала называться Седьмой. А, значит, Девятой (именно так, с большой буквы) стала одиннадцатая по счету из написанных Брукнером симфоний.

Как и Бетховен, Брукнер избрал для своей последней симфонии бескомпромиссную тональность ре-минор. С почти наивной прямотой он посвятил ее “Господу Богу”. Финал Девятой Брукнера остался незавершенным.

Роковая Девятая

Девятая породила немало суеверий. В 1828 году, так и не оправившись от простуды, подхваченной на похоронах Бетховена, в возрасте 31 года умирает Франц Шуберт. И он оставил после себя девять симфоний (правда, две из них – незавершенными). Уже тогда по Вене поползли первые слухи о мистике цифры девять. Постепенно “Девятая” завоевала чуть ли не такую же мрачную репутацию, как “Реквием” Моцарта, – только без фигуры рокового незнакомца в черном плаще. Девять симфоний оставил и Антонин Дворжак. Правда, он пережил свою

девятую (“Из нового света”) на целое десятилетие, потому что порядковый номер симфония получила лишь после смерти композитора.

Для Густава Малера, и без того мнительного и склонного к суевериям, всего этого достаточно, чтобы испытывать мистический ужас перед надвигающейся Девятой. Тем более, что после окончания Восьмой симфонии его настигло сразу множество несчастий: кризис в отношении с женой Альмой, смерть пятилетней дочери Марии Анны, наконец, тяжелая и неизлечимая болезнь сердца. Малер пытался, так сказать, обмануть судьбу, окрестив свою девятую по счету симфонию “симфонической поэмой” и дав ей название “Песня о земле”. Кроме того, он параллельно начал работу над Десятой симфонией. Тем не менее, до премьеры своей Девятой Малер не дожил. Ссылаясь на слова, вроде бы сказанные ему Малером, Арнольд Шенберг в некрологе впервые сказал о “проклятии девятой симфонии”, и эта характеристика сегодня закрепились в околomuзыкальной литературе. Часто цитируются слова Шенберга: “Те, кто написал свою Девятую, подходят слишком близко к потустороннему”.

Устойчивый миф получает регулярную подпитку: по девять симфоний написали Александр Глазунов и Ральф Воан Уильямс. Карл Амадеус Хартман, замечательный немецкий послевоенный композитор, умер в 1963 году, как только приступил к работе над Девятой симфонией. Альфред Шнитке не успел завершить свою Девятую, а его друг, Николай Корндорф, взявшийся по просьбе вдовы за партитуру Шнитке, также скоропостижно умер от сердечного приступа. Работу, правда, благополучно завершил Александр Раскатов.

Наперекор Девятой

Первым, кому удалось создать, если можно так выразиться, “альтернативную модель” Девятой, стал Дмитрий Шостакович. Вместо драматического музыкального монумента он написал сравнительно краткое, ироничное, чисто инструментальное сочинение, начисто лишенное как вокального финала, так и героического пафоса. Впрочем, столь явное нежелание ставить “великую Девятую” на службу идеалам соцреализма навлекло на голову композитора гнев Сталина и косвенно спровоцировало печально известное постановление 1948 года.

Наверное, самый радикальный пример “анти-девятой” – это Девятая симфония Ханса Вернера Хенце. Вместо утопии всемирного просветления музыка Хенце погружает слушателя в бездны падения человеческого духа. В основе семичастного сочинения – роман Анны Зегерс “Седьмой крест”. Симфония носит посвящение “апофеозу ужаса и боли”. Премьера состоялась в 1997 году. С тех

пор композитор успел написать Десятую симфонию и продолжает работать с большой продуктивностью.

Последний случай

Первого января 2012 года концертный зал имени Брукнера в Линце рисковал обвалиться от шквальных оваций. Здесь состоялась премьера Девятой симфонии 75-летнего американского минималиста Фила Гласа. В семидесятые годы Глас слыл музыкальным революционером. Сегодня он не изобретает себя заново, но представляет в Девятой симфонии квинтэссенцию своего творческого “Я”.

Немецкий критик Йорг Флориан Фукс написал: “Гигантский оркестр (с усиленными группами струнников, духовиков и фракции ударных) создает мощный поток звука. Против мощного “цунами звука” выступают отдельные диссонантные аккорды. Финальная часть начинается с фейерверка духовых и не скрывает своего пафосного, триумфального характера. Но за всей этой помпезностью и торжественностью то и дело открываются удивительные по глубине и меланхолии миры”.

И, несмотря на все это, автор пребывает в добром здравии и работает над новой оперой. Ее премьера которой должна состояться в рамках Зальцбургского фестиваля в 2013 году.

Автор: Анастасия Буцко

Редактор: Ефим Шуман

Deutsche Welle

